

В. И. Васильев

О ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ЭТНИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ЛЕСНЫХ НЕНЦЕВ¹

Лесные ненцы — этнографическая группа ненецкой народности. Они говорят на особом диалекте, и в их материальной и духовной культуре есть специфические черты, которыми они отличаются от основной массы ненцев.

Общая численность лесных ненцев может быть определена лишь приблизительно, так как в статистических материалах эта группа особо не выделяется. По данным этнографического обследования (1968—1972 гг.), их насчитывается около 2000 чел.

Наиболее компактный этнический массив лесных ненцев (1245 чел.) сосредоточен в бассейне р. Пур в Пуровском районе Ямало-Ненецкого национального округа. Внутри этого этнического массива можно выделить несколько территориальных групп: таркосалинская (в одноименном сельсовете), харампуровская, халесовинская (обе в Верхне-Пуровском сельсовете) и самбургская (в Нижне-Пуровском сельсовете). Две компактные группы лесных ненцев проживают в бассейне р. Надым: надымско-норинская — в Ныдо-Надымском сельсовете Надымского района Ямало-Ненецкого национального округа — 146 чел.² и надымско-нумтовская — в Казымском сельсовете Березовского района Ханты-Мансийского национального округа — 181 чел. Еще три группы лесных ненцев зафиксированы в верховьях правых притоков Средней Оби — Агана, Тромъегана, Назыма и Лямина: аганско-варъеганская — в Ново-Аганском сельском совете — 235 чел.³, тромъеганская — в одноименном сельсовете — 30 чел. (обе в Сургутском районе) и назымско-ляминская — 128 чел. — в Назымском, Нялинском, Селияровском сельских советах Ханты-Мансийского района и Сытоминском сельсовете Сургутского района Ханты-Мансийского национального округа.

В отличие от тундровых ненцев, у которых выявлено более 50 родов, связанных между собой к тому же сложными дуально-экзогамными узлами, у лесных ненцев всего несколько родов. Из них наиболее многочисленными являются два — Нгэвасада и Пяк.

На основе названий родов или их подразделений возникли современные фамилии лесных ненцев. Следует, однако, иметь в виду, что, превратившись в фамилии, многие из этих названий в той или иной степени под-

¹ Самоназвание лесных ненцев — «несянг». «Пян-хасова», т. е. «лесные люди», — название, данное им тундровыми ненцами. Под этим названием лесные ненцы чаще всего фигурируют в этнографической литературе.

² В ту же группу мы включаем и три семьи (15 чел.), живущие в Шугинском сельсовете того же района.

³ К этой группе мы относим и три семьи (13 чел.), живущие в Угутском сельсовете Сургутского района.

вергались искажению:

<i>Название рода или его под-а деления</i>	<i>Современные фамилии</i>
Нгэваседа (Нгэвасята)	Айваседа
Нгаханы	Нганы, Логаны
Пяк	Пяк
Ничу	Ничу, Нечу
Юуси	Иуси, Егочи, Юши
Вэла	Вэлло, Велло, Вылла
Вэнго	Венго

Род Нгэваседа (Нгэвасята) впервые упоминается в русских ясачных документах под именем Айвасида в составе обдорских (тундровых) и казымских (лесных) «самоедов» в 1695 г.⁴ Согласно подсчетам Б. О. Долгих, в то время в роде Айвасида было 82 плательщика ясака (или 330 чел.)⁵.

В настоящее время численность лесных ненцев, носящих фамилию Айваседа, составляет около 800 чел. Основная масса Айваседа живет в Пуровском районе (в Верхне-Пуровском и Тарко-Салинском сельсоветах). По нашим сведениям, члены родового подразделения Нгаханы, живущие в Пуровском районе, также носят фамилию Айваседа.

В Казымском сельсовете Березовского района, главным образом в районе оз. Нумто, проживает 10 семей лесных ненцев, носящих фамилию Логаны, а в Назымском и Нялинском сельсоветах Ханты-Мансийского района — четыре семьи с фамилией Нганы. Обе эти фамилии восходят к одному и тому же слову «Нгаханы». Так называется на диалекте лесных ненцев одно из подразделений рода Нгэваседа. Нам это название перевели с лесного диалекта ненецкого языка как «клык (собаки)». Б. О. Долгих в своей последней работе дает иной вариант перевода Нгаханы (Нгаханэй) — «старинный»⁶.

Фамилия Логаны встречается только у лесных ненцев бассейна Казыма и оз. Нумто, причем впервые в форме «Маганы» она зарегистрирована здесь во время переписи 1926/27 г.⁷ Всего, по нашим данным, эту фамилию имеет 31 чел. Фамилия Нганы зарегистрирована у 16 лесных ненцев, живущих по Назыму и Нялинской реке, притокам Средней Оби.

Б. О. Долгих высказал предположение о возможной генетической связи рода Нгэваседа лесных ненцев с энецким родом Аседа. Единственным аргументом, на который при этом он опирается, является попытка этимологизировать название «Нгэваседа» как «головные аседа»⁸.

Реальность подобной этимологизации, исходя из грамматических норм ненецкого языка, представляется довольно сомнительной, как и вообще возможность генетической связи обоих названных родов. Кстати, сам Б. О. Долгих также отмечает, что еще в XVII в. члены родов Аседа и Нгэваседа заключали между собой браки⁹.

Нам кажется более вероятной генетическая связь этого рода пняхасова не с родом Аседа, а с родом Чор тундровых ненцев и лесных энцев и родом Муггади лесных энцев.

Ранее нами была опубликована небольшая энецкая легенда, повествующая о родстве всех трех названных родов¹⁰. Напомню также, что в архивных документах середины XVIII в. и позже в устье р. Таз нередко упоминается род Наусицкий (вероятно, искаженное название рода

⁴ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., «Тр. Ин-та этнографии» (далее «Труды ИЭ»), т. 55, М., 1960, стр. 73.

⁵ Б. О. Долгих, Очерки по этнической истории ненцев и энцев, М., 1970, стр. 77.

⁶ Там же, стр. 101.

⁷ «Населенные пункты Уральской области», т. XII, «Тобольский округ», Свердловск, 1928, стр. 208, 209.

⁸ Б. О. Долгих, Очерки по этнической истории ненцев и энцев, стр. 233

⁹ Там же.

¹⁰ В. И. Васильев, Лесные энцы, «Сибирский этнографический сборник», т. V, «Тр. ИЭ», т. 84, М., 1963, стр. 36, 37.

Нгэваседа), плативший ясак в Мангазейском ведомстве. В Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области нами был обнаружен документ, относящийся к 1755 г., о крещении членов данного рода. В этом документе в числе прочих лиц, которых крестили, упоминается и некий Палча, возможно, родоначальник современной энцевкой фамилии Пальчин¹¹. Если добавить к сказанному, что Пальчин — современная фамилия лесных энцев рода Чор, то мы получим определенное подтверждение упомянутой легенды.

Наконец, можно привести еще один факт в пользу высказанного выше предположения. Буквально на следующий год после крещения членов Наусицкого рода большинство новокрещенных отвергли православие, причем решающую роль в этом сыграл некий Енора (или Ендра) Пучиндин, специально прибывший в низовья Таза с Пура. Остается добавить, что, как выяснилось на допросе, учиненном по этому делу в Березовской воеводской канцеляции, означенный Ендра оказался «Казымской волости роду Аувасина (или Айвасина.— В. В.) ясашной Самоядин»¹².

Таким образом, есть определенные основания для положительного решения вопроса о возможной генетической близости северсамодейских родов Нгэваседа и Чор (и Муггади). Ранее нам уже приходилось писать, что оба эти рода современных ненцев и энцев по происхождению восходят к самодейским элементам, генетически связанным с югом Сибири¹³. Этой же точки зрения в отношении рода Чор придерживается и Б. О. Долгих¹⁴. Можно предположить, что и лесной ненецкий род Нгэваседа по своему происхождению связан с самодейскими группами, до своего переселения на север заселявшими южные области Сибири.

Б. О. Долгих переводит названия «Пяк», «Пян» как «лесной», отождествляя оба эти термина. По нашим данным, так можно перевести только второе из приведенных названий. Родовое имя Пяк, по словам лесных ненцев, означает «дерево».

Род Пяк (Пяки, Пеки) упоминается довольно часто в архивных документах XVII в., касающихся Березовского уезда. Еще в «Книге Большому чертежу», датируемой 1627 г., можно прочесть следующее: «А по реке по Тазу, Мангазея, Самоядь Пяки»¹⁵. Все это говорит о том, что уже в тот период род Пяк был довольно многочисленным. Тем не менее в официальных списках ясачных плательщиков по Березовскому уезду, относящихся к концу XVII в., название этого рода отсутствует. Как предположил Б. О. Долгих, члены рода Пяк были внесены в ясачные книги под иными именами, возможно, представлявшими названия его отдельных подразделений (Карсы, Недевятковой станицы, Ракай и др.). Исходя из этого соображения, он определяет численность рода Пяк в конце XVII в. (1695 г.) по 180 ясачным плательщикам (всего около 730 чел.)¹⁶.

Современная численность носителей фамилии Пяк, по нашим подсчетам, составляет около 600 чел. Наиболее крупная группа этого рода проживает в Тарко-Салинском сельсовете Пуровского района. Много членов рода Пяк живет также в Верхне-Пуровском сельсовете того же района и Казымском сельсовете Березовского района (харампуровская и надымско-нуматовская территориальные группы).

Родственным роду Пяк у лесных ненцев считается род Ничу (Нитю, Нечу). Браки между представителями этих родов не заключались, так

¹¹ Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (далее ТФГАТО), ф. 156, оп. 1, 1755, № 108, л. 5.

¹² ТФГАТО, ф. 156, оп. 1, 1756, № 53, л. 24 об.

¹³ См. В. И. Васильев, Южносамодейские компоненты в составе энцев, сб. «Этническая история и национальное развитие народов мира. Тезисы докладов на конференции молодых научных сотрудников и аспирантов», М., 1967, стр. 12.

¹⁴ Б. О. Долгих. Очерки по этнической истории ненцев и энцев, стр. 237—239.

¹⁵ «Книга Большому чертежу», М.—Л., 1950, стр. 168.

¹⁶ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 70, 71; его же, Очерки по этнической истории ненцев и энцев, стр. 77.

как они «всегда как родные считались» (сообщение Пяк Итьвэку)¹⁷. О роде Ничу впервые стало известно только в середине XIX в., когда он был упомянут в полевом дневнике М. А. Кастрена¹⁸. Позднее название рода Ничу (Нечу) встречается в числе других «ватаг Пян-Хазово» в работе известного исследователя Тобольского Севера А. А. Дунин-Горкавича и в статистических материалах переписей 1897 и 1926 гг.¹⁹

В настоящее время члены рода Ничу (36 чел.) живут главным образом в верховьях рек Лямин и Назым, в Сургутском и Ханты-Мансийском районах Ханты-Мансийского национального округа. У ляминских Ничу их современная фамилия совпадает с родовым названием, назымские — в похозяйственных книгах сельских советов фигурируют как Нечу. Еще четыре человека из этого рода, переселенцы с Лямина, живут теперь в Казымском сельсовете Березовского района. Туда же переехала с Лямина и единственная среди ненцев семья с фамилией Катык. По словам наших информаторов, отец нынешнего главы этой семьи был русским, а мать принадлежала к роду Ничу.

Запрет вступать в брачные отношения с членами рода Пяк распространяется также на носителей фамилии Казымкин. Казымкины живут в Верхне-Пуровском сельском совете Пуровского района (24 семьи, 115 чел.) и Сургутском районе.

По происхождению Казымкины считаются хантами. Лесные ненцы рассказывают, что предок Казымкиных по имени Казку некогда переселился с р. Казым на р. Варьеган (приток Агана), где стал жить вместе с лесными ненцами. Случилось это будто бы около пяти поколений назад (125 лет) во время большой болезни (очевидно, эпидемии оспы или гриппа, свирепствовавших в Тобольской губернии в 50-х годах прошлого века). Внук Казку перебрался еще дальше на север, на р. Пур, и поселился вместе с членами рода Пяк. Поэтому они теперь и считаются родней. Любопытно, что в настоящее время от лесных ненцев нередко можно услышать утверждение и о более тесном родстве представителей этих двух современных фамилий. Так, лесной ненец Энсли Айвоседо 1890 г. рождения, отвечая на наш вопрос о родственных взаимоотношениях Пяк и Казымкиных, категорически заявил: «Казымкин и Пяк — одна фамилия Пяк». В этой связи укажем, что и в материалах переписи 1926/27 г. единственная семья Казымкиных фигурирует как «Казымкин (Пяк)»²⁰. Наличие брачных запретов между носителями фамилии Казымкин и членами рода Пяк отметил по материалам своей поездки к лесным ненцам в середине 1920-х годов и Г. Д. Вербов²¹.

В настоящее время, по словам лесных ненцев, хантыйский язык среди Казымкиных помнят только отдельные старики, причем даже они говорить на этом языке уже не могут.

Наличие определенных и на первый взгляд трудно объяснимых родственных связей между представителями рода Пяк и хантами Казымкиными, как нам кажется, в какой-то степени проливает свет на историю этого рода. Интересен в этой связи и установленный еще Г. Д. Вербовым факт наличия брачных запретов между лесным ненецким родом Пяк и родом Поронгуй тундровых ненцев, являющимся по происхождению хантыйским²². Как нам рассказал Илья Поронгуй (1897 г. рождения), члены

¹⁷ О родстве лесных ненцев родов Нигу и Пяк сообщил в свое время Г. Д. Вербову Т. Лехтисало (см. Г. Д. Вербов, Лесные ненцы, «Сов. этнография», 1936, № 2, стр. 67, сн. 1).

¹⁸ М. А. Castren, Reiseberichte und Briefe aus den Jahren, 1845—1849, St.-Pb., 1856, S. 68.

¹⁹ См.: С. К. Патканов, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. II, СПб., 1911, стр. 28—29, 41; А. А. Дунин-Горкавич, Тобольский Север, т. I, СПб., 1904, стр. 117; «Населенные пункты Уральской области», т. XII, стр. 208, 209.

²⁰ «Населенные пункты Уральской области», т. XII, стр. 212, 213.

²¹ Г. Д. Вербов, Указ. раб., стр. 69.

²² Г. Д. Вербов, Указ. раб., стр. 67.

его рода не могут вступать в брак с членами рода Пяк, так как «это наша родня». Тот же Г. Д. Вербов указывал и на существование брачных запретов между родом Пяк и родом Нгаседа (Аседа), являющимся по происхождению энецким²³.

Все сказанное, по нашему мнению, дает возможность предположить, что в формировании лесного ненецкого рода Пяк приняли участие различные по своей этнической принадлежности (самодийские, хантыйские и, возможно, какие-то другие) компоненты. По-видимому, именно с формированием рода Пяк связана и историческая судьба диалекта лесных ненцев. Во всяком случае, мы считаем, что подобная версия заслуживает лингвистической проверки.

Еще одно родовое подразделение в составе лесных ненцев носит название «Юуси» (встречаются также названия Юхучи, Еуши, Ивши). Род Юуси фигурирует в ясачных документах конца XVII в. (1695 г.) среди обдорских «самоедов» под именами Югучейской (16 плательщиков ясака, 64 чел.) и Пучей (5 плательщиков ясака, 20 чел.)²⁴.

В настоящее время носителей фамилии Юуси (Юуси) всего около 80 чел. Живут они в Сургутском районе Ханты-Мансийского национального округа. Одна семья этого рода (2 чел.) с фамилией Ёгочи зафиксирована, кроме того, в Надымском районе Ямало-Ненецкого национального округа. Род Юуси, как это уже многократно отмечалось в литературе, идентичен роду Ючи лесных энцев. О происхождении этого рода и его связи с самодийскими группами Южной Сибири, в частности еуштинцами, нам уже приходилось писать ранее²⁵.

Подобную же точку зрения высказывает и Б. О. Долгих, посвятивший этому вопросу несколько страниц своей недавно вышедшей книги²⁶.

Последнее крупное родовое подразделение лесных ненцев носит название «Вэла». Впервые этот род упоминается в статистических материалах переписи 1926/27 г.²⁷ Несколько позже в специальной статье, посвященной пян-хасова, Г. Д. Вербов отнес Вэла к числу четырех основных родов лесных ненцев²⁸.

По нашим данным, члены рода Вэла проживают почти во всех районах современного расселения лесных ненцев. В пределах Надымского района живет наиболее компактная группа Вэла — 21 семья (116 чел.). В Сургутском, Пуровском и Березовском районах их оказалось несколько меньше — 13 семей (53 чел.), 10 семей (43 чел.) и 9 семей (30 чел.). Надымские и пуровские Вэла носят современную фамилию Вэлло, сургутские и березовские — фамилии Велло и Вылла.

Одна семья рода Вэла (4 чел.), живущая в Березовском районе, носит фамилию Енгух. По словам лесных ненцев, эта фамилия обязана своим происхождением имени главы данной семьи, который принадлежал к роду Вэла.

Относительно происхождения рода Вэла в этнографической литературе уже длительное время держится точка зрения Б. О. Долгих о том, что он является подразделением рода Юуси, так как члены этих родов не заключают взаимных браков²⁹. В настоящее время, как нам кажется, эта точка зрения должна быть пересмотрена. Материалы, собранные нами у лесных ненцев, в том числе и членов рода Вэла, в течение последних лет,

²³ Там же.

²⁴ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 73, табл. 23.

²⁵ См. В. И. Васильев, Южносамодийские компоненты в составе энцев, стр. 12.

²⁶ Б. О. Долгих, Очерки по этнической истории ненцев и энцев, стр. 234—236.

²⁷ «Населенные пункты Уральской области», т. XII, стр. 212—215.

²⁸ Г. Д. Вербов, Указ. раб., стр. 67.

²⁹ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. стр. 71. На этих же позициях стоит Б. О. Долгих и в своей последней работе (см. Б. О. Долгих, Очерки по этнической истории ненцев и энцев, стр. 80).

не подтверждают существования запрета браков между родами Вэла и Юуси.

Еще Г. Д. Вербовым было установлено, что существуют брачные запреты между членами рода Вэла и группой родов, принадлежащей к фратрии Харючи тундровых ненцев³⁰. Наличие таких запретов полностью подтверждается и полевыми материалами, собранными у тундровых и лесных ненцев в 1970 г. Об этом нам говорили, в частности, ямальские ненцы Тапи Яптунай, Лимбико Сегой, Сюрбей Окоэтэто и другие представители родов, входящих во фратрию Харючи. То же самое в беседе с нами подтвердил и казымский лесной ненец Ауда Вылла. «Вылла, Яптонгэ и Ядне, что внизу (по Надыму (Оби) живут.— В. В.) тоже считаются родня. Жениться нельзя. Яптонгэ, и Ядне, и Вылла — одно». И далее: «Анагуричи (один из основных родов фратрии Харючи, Нгано-Харючи.— В. В.) тоже Выла. Когда большая вода была, они ушли. Они Выла считались, потом лодкой пошли. Тоже в большую воду ушли. Они, как Ядне и Яптонгэ,— Вылла».

К сказанному остается добавить, что в роде Вэла имеется подразделение Тухис (в переводе «суконный гусь» — ненецкая летняя верхняя одежда). По рассказанной нам легенде, один из Вэла в большую воду, т. е. во время наводнения, нашел ребенка, завернутого в «суконный гусь», и воспитал его. Члены этого подразделения считаются родственными роду Тоги (Туги) тундровых ненцев. Вероятно, именно подразделение Тухис — Вэла фигурирует в материалах А. А. Дунина-Горкавича под именем «ватаги» Този³¹.

Относительно генетической связи носителей южносибирского этнонима Кара (Харю) и предков современного ненецкого рода Харючи ранее писали Г. Н. Прокофьев и Б. О. Долгих³². Нам также приходилось касаться этого вопроса, приводя аргументы в пользу южносибирского происхождения этого самодийского рода³³. Поэтому в дополнение к уже сказанному отметим лишь, что название подразделения «Тухис» в роде Вэла (а следовательно, и рода Того (Туги) тундровых ненцев), как нам кажется, может быть сопоставлено с южносибирским этнонимом Дубо (в форме Туха, Туфа), который Л. П. Потапов по этнической принадлежности считает самодийским³⁴.

Таким образом, по нашему мнению, есть достаточно оснований считать, что таежная область бассейнов рек Пур и Надым и правых притоков Средней Оби были освоены самодийскоязычными предками сибирских ненцев, носителей этнонима Кара (Харю) в качестве одного из этапов на их пути с юга Сибири в тундровые районы. Впоследствии, очевидно, основная группа самодийцев Кара (Нгано-Харючи в рассказе Ауда Вылла) ушла далее на север, к побережью Обской губы, а небольшая часть этого рода, оставшаяся в тайге, вошла затем в качестве одного из компонентов, а именно рода Вэла, в состав лесных ненцев. Что же касается подразделения Тухис — Вэла, то, может быть, это более поздние переселенцы из тундры, связанные по происхождению с тундрово-ненецким родом Тоги (Того).

Последнее родовое подразделение лесных ненцев носит название «Вэнго». Семьи этого рода (современная фамилия Венго), всего 32 чело-

³⁰ Г. Д. Вербов, Указ. раб., стр. 67.

³¹ А. А. Дунина-Горкавича, Указ. раб., т. I, стр. 117.

³² Г. Н. Прокофьев, Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна..., «Сов. этнография» (сборник статей), III, 1940, стр. 74; Б. О. Долгих, Родовая экзогамия у нганасан и энцев, «Сибирский этнографический сборник», IV, М., 1962, стр. 220; е го же, Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964, стр. 8.

³³ В. И. Васильев, Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан, в кн.: «Общественный строй у народов Северной Сибири», М., 1970, стр. 185.

³⁴ Л. П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1969, стр. 180—183.

века, живут главным образом в бассейне р. Лямин в Сургутском районе.

Считается, что род Вэнго берет свое начало с «Ямала» и связан по происхождению с одноименным тундрово-ненецким родом. В то же время обращает на себя внимание наличие брачных запретов между Вэнго и членами рода Юуси, хотя объяснить природу этого обычая мы пока что затрудняемся.

Этногенетический анализ родового состава лесных ненцев свидетельствует о сложности исторических судеб формирования этой этнографической группы ненецкой народности. Лесные ненцы сложились из различных по происхождению и языку этнических элементов. Главная роль в генезисе этой этнографической группы, как мы пытались показать выше, принадлежала самодийскоязычным родовым группам, пришедшим с юга Сибири и принявшим участие также в формировании сибирских тундровых ненцев и лесных энцев.

Немаловажная роль в формировании группы лесных ненцев, и, в частности, их диалекта, должна быть отведена хантыйским и аборигенным субстратным компонентам. На более поздних этапах их этнической истории в состав лян-хасова вошли отдельные семьи из числа тундровых ненцев.

Заключительная стадия этого процесса, когда происходило формирование основного этнического ядра лесных ненцев — рода Пяк, падает в основном на период со второй половины XIX до начала XX в., а в отдельных эпизодах может быть прослежена и на современном этапе.
